

А.П. Мартемьянов

ОБЩИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕЛАХ ФРАКИИ И НИЖНЕЙ МЕЗИИ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

В последнее время в отечественном антиковедении наблюдается осязаемое преобладание работ, посвященных проблемам государственного устройства и права, истории войн и военного искусства, религии и иным аспектам духовной жизни древних греков и римлян. На этом фоне создается впечатление, что некоторые ранее считавшиеся приоритетными сферы исследования, прежде всего, связанные с социально-экономической тематикой, по сути отходят на второй план. Помимо прочих обстоятельств одной из причин этого, быть может, является то, что проблемы, на протяжении долгого времени находившиеся в центре внимания антиковедов, считаются достаточно хорошо изученными. Однако в действительности в отдельных случаях казалось бы устоявшиеся положения нуждаются в дополнительной аргументации, а иногда, возможно, и в пересмотре. Это касается, в частности, круга проблем, связанных с представлениями о *сельской общине*. Острые дискуссии 1970–1980-х годов относительно ее существования в различных регионах Римской империи¹ постепенно затихли², а спорные моменты остались.

К числу дискуссионных относится, на наш взгляд, принципиально важный вопрос об *определении* общины, от которого во многом зависит само представление о правомерности распространения данного понятия на историю сельского населения римских провинций. Дело в том, что хотя общинные отношения и составляли неотъемлемую часть исторического развития древних народов, свидетельства древнегреческих и латинских источников об их проявлениях в сельской местности относятся к *конкретным* территориальным объединениям – комам, катойкиям, викам, пагам и т.п. *Собирательный* же термин «сельская община» ни у античных авторов, ни в надписях не упоминается. Следовательно, это понятие, хотя и укоренилось в исторической науке, для представлений античной эпохи не характерно и применительно к ней носит в известной мере умозрительный характер. Не отличаются четкостью и дефиниции сельской общины, бытующие в антиковедении.

¹См. *Штаерман Е.М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 14–48; *она же.* Еще раз к вопросу о римской сельской общине // ВДИ. 1978. № 2. С. 89–110; *Корсунский А.Р.* О деревенском устройстве и системе землепользования в западных провинциях Поздней Римской империи // ВДИ. 1977. № 2. С. 43–57; *он же.* Проблемы аграрного строя и аграрной политики Западной Римской империи (IV–V вв.) // ВДИ. 1980. С. 52–71; *Голубцова Е.С.* «Белые пятна» в изучении сельской общины // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2. М., 1989. С. 194–204, и др.

²Последняя значительная работа, посвященная истории общинных отношений в античную эпоху, насколько нам известно, была опубликована более 10 лет тому назад – *Голубцова Е.С.* Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998.

Можно согласиться с Е.С. Голубцовой: «В настоящее время говорить о каком-то исчерпывающем определении общины вряд ли возможно: так много известно в античности ее разновидностей, так велика их специфика в зависимости от конкретных условий жизни»³. В принципе речь идет о выявлении тех *признаков*, которые определяют сущность общинной организации. Наиболее полный их перечень представлен в работах Е.М. Штаерман и Е.С. Голубцовой⁴. Разумеется, эти критерии хорошо известны специалистам, однако для определения основных направлений дальнейшего исследования представляется целесообразным привести их. Это – верховное право собственности того или иного коллектива на занимаемую территорию, контроля над распределением и использованием принадлежащих или отведенных ему земель; совместное пользование общинными угодьями; трудовой принцип собственности, т.е. признание прав на землю только за теми, кто ее возделывает; круговая порука членов коллектива за выполнение возложенных на него обязанностей; наличие органов общинного самоуправления; коллективистская психология, взаимопомощь общинников; их религиозное единство, проявлявшееся в особом почитании божества или божеств, которых они считали покровителями своей общины. По сути, для того чтобы судить о наличии в той или иной части Римской империи сельской общины, необходимо установить, имели ли там место отмеченные признаки. Немало в этом направлении уже сделано применительно к малоазийским и египетским владениям Рима, не остались без внимания и проблемы общинной организации сельского населения западных провинций империи⁵. Несомненный интерес представляет и вопрос о существовании сельской общины в Нижней Мезии и Фракии – восточнобалканских провинциях Рима, где, как принято считать, в первых веках нашей эры унаследованные от более раннего времени общинные традиции были особенно прочны.

Мнение М.И. Ростовцева, называвшего римскую Фракию страной мелкого крестьянского землевладения, деревень и процветавших сельских общин (*village communities*)⁶, впоследствии поддержали почти все авторы работ, в которых так или иначе затрагиваются проблемы социальной организации населения восточнобалканских земель в римское время⁷. Вероятно, именно такое единодушие позво-

³ *Она же*. Община, племя, народность... С. 52.

⁴ *Штаерман*. Древний Рим... С. 14–20; *она же*. Еще раз к вопросу... С. 91–92; *Голубцова*. Община, племя, народность... С. 52–57. Ср. *Перици А.И., Трайде Д.* Община // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 109–114.

⁵ *Свенцицкая И.С.* Сельская община Малой Азии в I–III вв. н.э. // ВДИ. 1961. № 3. С. 50–64; *Голубцова Е.С.* Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. (независимая сельская община). М., 1962; *она же*. Сельская община Малой Азии III в. до н.э. – III в. н.э. М., 1972; *Павловская А.И.* Элементы общинной организации в египетской коме IV в. н.э. // ВДИ. 1978. № 4. С. 43–60; *Корсунский*. О деревенском устройстве...; *он же*. Проблемы аграрного строя..., и др.

⁶ *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. 2nd ed. Oxf., 1957. P. 252, 344–345.

⁷ *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 231; *она же*. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и Западные провинции). М., 1961. С. 43–44; *Fol A.* Les Thraces dans l'Empire Romain d'Occident (I^e–IIIe siècle) // ГСУ. Философско-исторически факультет. 1964. Т. 58. Кн. 3. P. 301–302, 308–309. Not. 43; *Фол А.* Демографска и социална характеристика на днешните български земи от I до III век въз основа на надписите *extra fines provinciarum* // ИБИД. 1967. 25. С. 123–124; *Златковская Т.Д.* Возникновение государства у фракийцев. VII–V вв. до н.э. М., 1971. С. 90–92, 132–136; *Велков В.* Поземлени отношения в Мизия и

лило Е.С. Голубцовой охарактеризовать вопрос о фракийской общине не только как один из наиболее интересных, но и как сравнительно хорошо изученный, не вызывающий никаких разногласий⁸. Однако представляется, что это не совсем так. История общинных отношений во фракийских землях действительно заслуживает особого внимания, но изучена она, на наш взгляд, в недостаточной мере, и далеко не все связанные с ней проблемы уже нашли однозначное решение⁹. Проанализируем данные источников о проявлениях в селлах Фракии и Нижней Мезии общинных порядков и сопоставим полученные результаты с представлениями о сельской общине.

Судя по находкам межевых знаков, села в восточнобалканских провинциях имели четко определенную территорию¹⁰. Однако она не была собственностью сельчан: как известно, во времена принципата земли провинций считались *dominium populi Romani vel Caesaris* (Gai. II. 7). Поэтому за пользование ими провинциальные землевладельцы должны были платить особый налог, который в сенатских провинциях назывался *stipendium*, а в императорских – *tributum*¹¹. Наряду с этим сельское население Нижней Мезии и Фракии было обременено многими другими сборами и повинностями¹². Существует мнение, что выполнение селами подобного рода обязательств обеспечивалось таким «специфически общинным институтом»¹³, как круговая порука¹⁴. В свое время Е.М. Штаерман в подтверждение мысли о том, что в Римской империи «все сельчане были обязаны коллективной ответственностью перед собственником земли» (курсив мой. – А.М.), обратила внимание на юридические тексты (С. 4. 65. 13; 11. 65. 2; D. 50. 15. 5 pr.), в которых идет речь об уплате податей и несении повинностей, связанных с индивидуальной или совместной арендой земли¹⁵. Согласно этим предписаниям, арендаторам надлежало вносить положенные платежи либо индивидуально, либо сообща (в зависимости от условий аренды). Но это обстоятельство, если и подтверждает

Тракия // История на България. София, 1979. Т. 1. С. 302–304; Порожанов К. История на траките в историята на стария свят. Принципи постановки и проблеми // Минало. 1996. Кн. 4. С. 24–25, и др.

⁸ Голубцова. Община, племя, народность... С. 94, 143.

⁹ См. Мартемьянов А.П. Сельская община во фракийских землях в первых веках н.э.: итоги и перспективы изучения // Древности. 2005. Харьков, 2005. С. 156–164.

¹⁰ ISM. I. 350, 359, 360; IGBR. III(1). 1455, 1472; IGBR. V. 5534 etc. См. Мартемьянов А.П. К вопросу об изучении истории сельского населения фракийских земель в первых веках н.э.: проблема источников // Вісник Харківського ун-ту. 2006. 728. С. 116–118.

¹¹ Marquardt J. *Römische Staatsverwaltung*. 2. Aufl. Lpz, 1881. Bd 1. S. 87–88, 499; 1884. Bd 2. S. 180–204; Schwahn W. *Tributum und Tribut* // RE. Hlbd 13. 1939. Sp. 10–11; Штаерман Е.М. Римская собственность на землю // ВДИ. 1974. № 3. С. 55; Франчози Дж. Институционный курс римского права. М., 2004. С. 285–286; Салидоро Маруотти Л. «Абсолютная собственность» и «относительная собственность» в европейской правовой истории // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2004. 2 (14). С. 22, и др.

¹² См. Мартемьянов А.П. О налогах и повинностях крестьянства фракийских земель во II–III вв. н.э. // Вісник Харківського ун-ту. 2007. 762. С. 120–130.

¹³ Першиц, Трайде. Ук. соч. С. 112.

¹⁴ Штаерман. Еще раз к вопросу... С. 92, 95, 96; Голубцова. Община, племя, народность... С. 52–53.

¹⁵ Штаерман. Еще раз к вопросу... С. 95. Иначе интерпретирует эти тексты А.Р. Корсунский: по его мнению, они не содержат сведений ни об общине, ни «о каких-либо отношениях, выходящих за рамки принципа общего владения группы лиц, присущего римскому праву» (Проблемы аграрного строя... С. 57–58. Прим. 27, 28).

возможность существования круговой поруки, не доказывает ее повсеместного распространения. Получить конкретное представление о том, была ли характерна круговая порука деревенских жителей для той или иной области Империи, можно только на основании анализа свидетельств происходящих оттуда источников. Попытаемся выяснить, насколько правомерно говорить о существовании коллективной ответственности крестьян за выполнение возложенных на них обязанностей в селах Нижней Мезии и Фракии.

Обращаясь к вопросу о круговой поруке сельского населения фракийских земель в первых веках нашей эры, исследователи оперируют сведениями трех надписей: 1) датированная последними годами правления Антонина Пия¹⁶ петиция к наместнику Нижней Мезии Юлию Северу¹⁷ кометов «земли (или села¹⁸) дагов» – ХОРАДАГЕИ¹⁹ или ХОРА ДАГЕИ²⁰, в окрестностях западнопонтийского города Истрия (ISM. I. 378); 2) прошение, направленное в 238 г. Гордиану III жителями села Скаптопара на территории города Пауталия (IGBR. IV. 2236; cf. V. 5872); 3) эдикт императорского легата Фракии от 202 г. о создании или реорганизации²¹ на землях города Августа Траяна эмпория Пизос (IGBR. III(2). 1690; cf. V. 5601)²². Все эти надписи относятся к числу наиболее известных эпиграфических памятников фракийских земель, имеют долгую историю изучения и не раз комментировались многими авторитетными специалистами²³. Поэтому, не останавливаясь на их содержании в целом, обратимся непосредственно к анализу тех фрагментов надписей, которые привлекают внимание исследователей в связи с рассмотрением вопроса о круговой поруке.

Е.М. Штаерман усматривала подтверждение существования сельской общины на территории восточнобалканских провинций Рима в надписи из Хорадагей. Анализируя текст жалобы, она обращает внимание на то, что просители именуют себя *литургами*, а этот термин связан «именно с круговой ответственностью за взнос

¹⁶ Stoian I. O inscripție inedită din Histria. Plângerile țăranilor băștinași de pe teritoriul Histrian împotriva apăsării romane // SCIV. 1951. № 2. P. 146–148; ISM. I. P. 493.

¹⁷ Надпись начинается обращением к императору Антонину Пию (ISM. I. 378. A 1–6), однако прошение, текст которого затем приводится, было адресовано Юлию Северу (A 6–9).

¹⁸ Stoian I. De nouveau sur la plainte des paysans du territoire d’Histria // Dacia. 1959. 3. P. 382; IGBR. V. P. 381.

¹⁹ Stoian. De nouveau sur la plainte... P. 371. Fig. 1A.

²⁰ У исследователей это название вызывает некоторое недоумение, и нет единого мнения относительно того, как его воспроизводить – в одно или в два слова (ISM. I. P. 493–494; IGBR. V. P. 381; Bărbulescu M. Viața rurală în Dobrogea romană (sec. I–III p. Chr.). Constanța, 2001. P. 143–144). Поэтому используемая нами в тексте форма *Хорадагей* условна. Приходится также отметить, что контекст не позволяет с уверенностью судить о том, служил ли данный топоним названием одного населенного пункта или обозначал местность, на которой могли находиться несколько поселений.

²¹ Геров Б. Земевладение в римска Тракия и Мизия (I–III в.) // ГСУ. Факултет по класически и нови филологии. 1977. Т. 72. Кн. 2. С. 116; Тачева М. Тракийските земи в древността. Развитие и разцвет на робовладелското общество. София, 1987. С. 167.

²² Предположение об административной принадлежности Пизоса к территории Августы Траяна недавно нашло документальное подтверждение в надписи из с. Самуилово, община Стара Загора (см. Буюклиев Хр., Шаранков Н. Два новооткрити надписа от Пизос // Эпохи. 2004. Кн. 1–2. С. 206–208, 210. Обр. 1). Современные населенные пункты, упоминаемые в статье с указанием общины, к которой они относятся, находятся на территории Болгарии, а с указанием уезда – на территории Румынии.

²³ V. IGBR. III(2). P. 103–104; IGBR. IV. P. 198–199; ISM. I. P. 490 etc.

податей и т.п.» (курсив мой. – А.М.)²⁴. Заметим, однако, что основанием для такого наблюдения мог послужить только предложенный автором первой публикации прошения Й. Стояном вариант реконструкции словосочетания $\pi\acute{\epsilon}\nu\eta\tau\{\alpha\varsigma\} \lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\varsigma$ ²⁵ в 7–8 строках третьей части надписи²⁶. Между тем сам румынский ученый считал вполне допустимой возможность иного восстановления утраченной части второго из приведенных слов, а именно $\{\acute{\upsilon}\delta\omicron\}\rho\gamma\omicron\upsilon\varsigma$, причем, по его мнению, смысл текста в этом случае существенно не меняется²⁷. Б. Геров, полемизируя с Е.М. Штаерман, высказывает скептическое отношение к предположению, что просители из Хорадагей называли себя $\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\iota$. Наиболее вероятным восполнением поврежденного существительного ему представляется $\{\acute{\alpha}\delta\omicron\}\rho\gamma\omicron\upsilon\varsigma$, что «тоже хорошо увязывается с предшествующим $\pi\acute{\epsilon}\nu\eta\tau\{\alpha\varsigma\}$ » и означает «мелкие люди (болг. дребни хора), которые сами обрабатывают свои парцеллы земли»²⁸.

Можно ли отдать предпочтение какому-либо из приведенных дополнений? Приходится отметить, что ни одно из них нельзя считать достаточно обоснованным. Дело в том, что край надписи с начальными буквами слова, заканчивающегося на $-\rho\gamma\omicron\upsilon\varsigma$, полностью сколот²⁹, а общий смысл текста допускает любое из упомянутых толкований этого существительного, но не более, чем гипотетически возможное. Кстати, даже если речь в надписи действительно шла именно о *литургах* (а на наш взгляд, единственным и к тому же не очень надежным дополнительным доводом в пользу этого может служить лишь упоминание в прошении возложенных на жителей Хорадагей *литургий*), это едва ли означает, что именовавшие себя так крестьяне были, как полагала Е.М. Штаерман, непременно связаны круговой порукой. Разумеется, в принципе такая возможность существовала. Однако показательно, что у многих признанных специалистов, трактующих на страницах авторитетных изданий слово $\lambda\epsilon\iota\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\varsigma$ в контексте его употребления в источниках, ни в одном из известных значений данный термин с понятием круговой поруки не ассоциируется³⁰. Таким образом, жалоба кометов Хорадагей прямых указаний на существование объединявшей просителей коллективной ответственности за выполнение литургий и ангарий не содержит и поэтому служить надежным основанием для вывода о наличии в селах восточнобалканских провинций круговой поруки не может.

К надписям из Скаптопары и Пизоса в связи с вопросом о круговой поруке обращался Б. Геров – едва ли не единственный авторитетный специалист, по сути отрицавший возможность сохранения во фракийских землях в первых веках на-

²⁴ *Штаерман*. Кризис рабовладельческого строя... С. 229; *она же*. Мораль и религия... С. 44.

²⁵ Написание $\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\varsigma$ соответствует употребляемой в надписи форме слова $\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\iota$, см. ISM. I. 378. A 14; B 16).

²⁶ *Stoian*. O inscripție inedită... P. 144.

²⁷ *Ibid*. P. 146; *Stoian*. De nouveau sur la plainte... P. 378–379. Not. 19.

²⁸ *Геров*. Земевладението... С. 136. Заб. 15. В другой работе Геров переводит словосочетание $\pi\acute{\epsilon}\nu\eta\tau\epsilon\varsigma \acute{\alpha}\upsilon\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\iota$ как «бедняки, которые сами обрабатывают свою землю» (Община // Кратка энциклопедия «Тракийска древност». София, 1993. С. 198).

²⁹ *Stoian*. De nouveau sur la plainte... P. 370. Fig. 2; 371. Fig. 1 (imago photogr.).

³⁰ *Martin A. Leitourgia* // DA. 3. 2. 1904. P. 1095; *Oehler J. Leiturgie* // RE. Hlbd 24. 1925. Sp. 1871–1872; Древнегреческо-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 1. С. 1017; *Frisch H. Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1960. Bd 2. S. 83; *Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots*. P., 1974. Т. 3. P. 619; *Greek-English Lexicon / Comp. by H.G. Liddell, R. Scott*. Oxf., 1996. P. 1036–1037, e.a.

шей эры общинного землевладения, а следовательно, и сельских общин. По его словам, «четким данным археологического, эпиграфического, нумизматического и даже литературного характера об имущественной дифференциации, которая имела различные степени во фракийском селе в римскую эпоху, не могут быть противопоставлены никакие серьезные доводы в пользу общинного владения землей»³¹. Аргументируя это заключение, Геров, в частности, отмечает, что ни прошение скаптопаренцев, ни Пизосский эдикт не подтверждают мнение о коллективной ответственности сельского населения за уплату налогов: «В первой надписи говорится об уменьшении доходов государства от поступления податей (*данъци*) и платежей (*такси*) от села вследствие бегства крестьян, что при коллективной ответственности невозможно, а во второй надписи – об индивидуальном освобождении от известных обязательств. И в обеих надписях имеется в виду село (соотв. торжище) не как целое, а как состоящее из юридически самостоятельных лиц, с их правами и обязанностями по отношению к государству»³².

Комментарии Герова, несомненно, заслуживают внимания. Думается, можно согласиться с тем, что надпись из Пизоса не дает оснований говорить о наличии во фракийских селах круговой поруки. И дело не только в том, что, согласно эдикту наместника Фракии Квинта Сициния Клара, добровольно переселившиеся из окрестных сел в эмпорий крестьяне освобождались от некоторых обязательств (IGBR. III(2). 1690. E 50–62), как замечает Геров, в индивидуальном порядке. Показателен сам факт массового предоставления таких льгот переселенцам из многих сел. Не все имена крестьян, перебравшихся в Пизос, сохранились (v. IGBR. III(2). Tab. 68–92), но и уцелевшая часть их перечня содержит около 160 имен, причем о некоторых кометах говорится, что они переселяются в эмпорий с братьями (*ibid.* B–D). Только из Бадзопары в Пизос перебралось около 80 человек (*ibid.* C 40–D 61) и, таким образом, село одновременно лишилось значительной части жителей. Если кометы действительно были связаны круговой порукой, столь существенный отток населения должен был серьезно осложнить положение оставшихся сельчан. Между тем декларированное эдиктом частичное освобождение переселенцев от повинностей свидетельствует о том, что власти Фракии не только не препятствовали переселению крестьян, но и в определенных случаях даже поощряли его, не заботясь об участии их бывших односельчан. Все это не соответствует представлениям о коллективной ответственности деревенских жителей за выполнение возложенных на них обязанностей как одной из основных причин, по которым римляне были заинтересованы в сохранении на провинциальных землях сельских общин. Учитывая сказанное, думается, следует признать, что содержащаяся в Пизосской надписи информация скорее противоречит мнению о существовании во фракийских селах круговой поруки, чем подтверждает его.

Разумеется, можно предположить, что римские власти собирались учесть изменения, связанные с последствиями эдикта Кв. Сициния Клара, при проведении очередного ценза. Однако представляется примечательным то, что на резкое сокращение численности населения родного села обращают внимание Гордиана III, рассказывая о своих бедствиях, просители из Скаптопары. Долгие годы

³¹ Геров. Земевладението... С. 139. Правда, в небольшой своей поздней статье справочного характера ученый высказывается на этот счет менее категорично: неоднократно употребляет термин «сельская община» применительно к фракийским землям первых веков нашей эры и отмечает, что там «в течение римской эпохи *медленно тают* остатки родовых и соседско-территориальных общинных связей» (Община... С. 198; курсив мой. – А.М.).

³² *Он же.* Земевладението... С. 139–140.

ее жители не испытывали нужды и исправно платили подати, выполняли прочие предписания: ἀνευδεῶς (или ἀνεδεῶς³³) τοὺς τε φόρους καὶ τὰ λοιπὰ ἐπιτάγματα συντέλου (IGBR. IV. 2236. 28–30). Однако со временем ситуация изменилась. Произвол посетителей проводившейся по соседству ярмарки и солдат, которые прибывали в Скаптопару и заставляли ее население бесплатно предоставлять им жилье и провиант, вынудил многих скаптопаренцев покинуть село. Оставшиеся же в родных домах крестьяне умоляют императора пресечь творящееся беззаконие. Только когда порядок будет восстановлен, жители Скаптопары вновь окажутся в состоянии платить «священные подати» и вносить прочие платежи (ibid. 97–99: τοὺς τε ἱεροὺς φόρους καὶ τὰ λοιπὰ τελέσματα παρέχειν δυνησόμεθα). Если же притеснения не прекратятся, они, как и их односельчане, покинувшие Скаптопару ранее, будут вынуждены бежать из родных мест, и тогда, по словам просителей, казна понесет огромный ущерб (ibid. 92–94: φευξόμεθα ἀπὸ τῶν οἰκείων καὶ μεγίστην ζημίαν τὸ ταμεῖον περιβληθήσεται).

Как уже отмечалось, Геров усматривал в этой информации указание на вызванное бегством крестьян уменьшение доходов государства от поступавших из Скаптопары налогов и податей. По его мнению, в условиях коллективной ответственности за их уплату это было бы невозможно. Заметим также, что, согласно буквальному смыслу текста, «казна понесет величайший ущерб» в том случае, если Скаптопару покинут все ее жители. Если же произвол незваных гостей села прекратится, то, заверяют просители, оставшись на родной земле, они смогут вносить положенные платежи. При этом о возвращении в Скаптопару покинувших ее ранее кометов речь не идет. Выходит, что людей в селе больше не станет, но тем не менее его жители окажутся в состоянии выполнять свои обязательства перед государством. Если бы им приходилось платить и за себя, и за бывших односельчан, это вряд ли было бы осуществимо, поскольку из Скаптопары выселилось множество крестьян: «И ведь действительно от большого числа домохозяев мы дошли до самого малого» (IGBR. IV. 2236. 63–66: καὶ γὰρ ὡς ἀληθῶς ἀπὸ πολλῶν οἰκοδεσποτῶν εἰς ἐλαχίστους κατέληθαμεν) – говорится в петиции. Кроме того, в тексте нет никаких указаний на задолженность скаптопаренцев по уплате налогов, имевшуюся к моменту подачи прошения, хотя можно предположить, что в условиях круговой поруки по мере сокращения населения комы неизбежно должны были накапливаться недоимки. Не исключено, что жители Скаптопары, несмотря на то что по сравнению с предшествовавшими временами их осталось немного, до тех пор, пока постой солдат и посетителей ярмарки не стали невыносимыми, справлялись с возложенными на них обязанностями. Так или иначе, на наш взгляд, содержание петиции скаптопаренцев, как и Пизосская надпись, свидетельствует скорее об индивидуальной, чем о коллективной ответственности сельчан Фракии за уплату налогов и несение повинностей.

Итак, известные ныне надписи первых веков нашей эры из фракийских земель не подтверждают факта существования круговой поруки крестьянства Нижней Мезии и Фракии. Однако исключать на этом основании саму возможность ее наличия в селах восточнобалканских провинций, очевидно, не следует. Прощения жителей Хорадагей и Скаптопары обнаруживают очевидное сходство с крестьянскими петициями из других областей римского мира. Анализ их содержания показывает, что сельчане, где бы они ни проживали, сталкивались с однотипными проблемами

³³ См. Геров Б. Проучвания върху западнотракийските земи през римско време. Ч. 1 // ГСУ. Филологически факултет. 1959–1960. Т. 54. Кн. 3. С. 309.

и пытались решать их сходными средствами³⁴. Данное обстоятельство убедительно свидетельствует о близости условий, в которых проживало в эпоху принципата деревенское население фракийских земель, Малой Азии и африканских владений Рима от Египта до Мавретании. Поэтому восстанавливая картину сельской жизни Фракии и Нижней Мезии, следует по возможности учитывать и сведения источников по истории крестьянства иных провинций Римской империи.

Судя по содержанию крестьянских прошений первых веков нашей эры, приводившее к обезлюдению сел бегство крестьян, о котором говорится в жалобах из Скаптопары и Хорадагей, в те времена имело место и в Малой Азии, и в африканских провинциях Рима. Особенно выразительно развивают мысль о возможном бегстве из родных мест арендаторы императорского имения на территории античной Филадельфии в Лидии (совр. Агабейкьой). В заключительных строках датируемой концом II – началом III в. надписи они заявляют о своей решимости покинуть «и отцовские очаги (или алтари), и могилы предков» (καὶ ἐστίας πατρῶας καὶ τάφους προγονικοῦς), переселившись на частные земли, менее, по словам просителей, подверженные произволу сборщиков налогов (IGBR. IV. P. 223. 3°. 42–54). О своем намерении убежать в такие места, где они смогут жить как свободные люди, сообщают колонны императорского имения в Проконсульской Африке, направившие в 181 г. прошение Коммоду (CIL. VIII. 14428).

Особенно широкие масштабы бегство спасавшихся от бремени налогов, повинностей и литургий крестьян приобрело в Египте³⁵, где оно еще в птолемеевские времена получило название ἀναχώρησις³⁶. Характерно, что и сельчане, и сборщики налогов в своих обращениях к представителям власти и в I, и во II в. н.э. сетуют на то, что в результате сокращения численности населения египетских деревень установленные ранее размеры налогов оказываются для оставшихся жителей непосильными, и в связи с этим просят либо отсрочить внесение положенных платежей, либо уменьшить их³⁷. Ограничимся здесь одним, но очень показательным примером. В своем прошении, относящемся ко временам правления Марка Аврелия, старосты ряда деревень Мендесийского нома Дельты ходатайствуют о снижении нормы налогообложения, ибо когда она была установлена, села были многолюдны, а впоследствии большинство населения обеднело и покинуло их. При этом в надежде на позитивное решение вопроса просители ссылаются на пример других сел округа, оказавшихся в аналогичной ситуации³⁸. Такое положение дел могло сложиться только в условиях круговой поруки. Надежным свидетельством ее существования в египетских селах можно считать такие налоги, как μερισμὸς ἀνακεχωρηκότων и μερισμὸς ἀπόρων, зафиксированные источни-

³⁴ См. *Мартемьянов А.П.* Крестьянские прошения первых веков н.э. из фракийских земель, Малой Азии и Северной Африки: опыт сравнительной характеристики // *Древности.* 2006–2008. Харьков, 2008. С. 58–66; *он же.* Положението на селяните в Долна Мизия и Тракия през първите векове от новата ера // *Списание на Българската академия на науките.* 2008. Кн. 4. С. 20–25.

³⁵ *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. М., 2001. Т. 2. С. 35, 307–308. Прим. 50; *Льюис Н.* Из истории римского гнета в Египте. ΜΕΡΙΣΜΟΣ ΑΝΑΚΕΧΩΡΗΚΟΤΩΝ // *ВДИ.* 1939. № 1. С. 20–27; *Ранович А.* Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.–Л., 1949. С. 196–197, 201–203.

³⁶ *Льюис.* Ук. соч. С. 19.

³⁷ Там же. С. 21–23; *Ранович.* Восточные провинции... С. 196–197.

³⁸ *Aegyptische Urkunden aus den Königlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden.* Bd 3. В., 1903. S. 226. № 903.

ками со времен принцепата Траяна: исправные деревенские налогоплательщики должны были вносить в казну распределенную между ними сумму недоимок бегжавших (ἀνακεχωρηκότες) и не способных платить налоги малоимущих (ἀποροί) односельчан³⁹. Результаты добротного анализа имеющихся сведений о μερισμὸς ἀνακεχωρηκώτων представлены в специальной статье Н. Льюиса⁴⁰. По его словам, в конце II в. н.э. этот налог, вероятно, уже не взимался, а со времен Септимия Севера египетские крестьяне были обязаны вносить деревенским старейшинам на случай своего бегства денежный залог⁴¹. Заметим, что и этот факт внесения залога потенциальными беглецами свидетельствует о взаимной материальной ответственности односельчан. Прошения же, сходные по содержанию и тональности с упомянутыми петициями I–II вв. н.э., египтяне подавали и при Северах⁴², и в IV в. н.э.⁴³

Приведенные данные свидетельствуют о круговой поруке сельского населения Египта первых веков нашей эры достаточно убедительно. То, что имеющиеся ныне в распоряжении исследователей *прямые* доказательства ее существования относятся, насколько нам известно, исключительно к этой провинции, может объясняться не только ее несомненным своеобразием, но и характерным лишь для Египта обилием документальных папирусов, нередко содержащих информацию, очень скудно представленную иными категориями источников. Учитывая же отмеченное сходство исторических условий, в которых протекала сельская жизнь римских провинций, позволительно предположить, что коллективная ответственность деревенских жителей за уплату налогов и выполнение повинностей не была специфически египетским явлением, но встречалась и, по крайней мере, в некоторых других областях Римской империи. К их числу вполне могли относиться и, видимо, имевшие немало общего с ближневосточными владениями Рима⁴⁴ фракийские земли, хотя к настоящему времени надежных свидетельств существования круговой поруки там и не обнаружено. Поэтому предположение о *возможности* ее наличия в восточнобалканских провинциях нам представляется *допустимым*. Таким образом, в свете современного состояния источников вопрос о наличии круговой поруки в селах Нижней Мезии и Фракии остается открытым.

Гораздо более определенными представляются происходящие из фракийских земель свидетельства о наличии в первых веках нашей эры *сельского самоуправления*, являвшегося в Римской империи важным низовым звеном провинциальной администрации. В Нижней Мезии, судя по данным эпиграфики, оно получило широкое распространение на востоке провинции, в Малой Скифии. Из северной (ныне румынской) части Добруджи происходит более 40 надписей, в которых идет или может идти речь о стоявших во главе сел магистрах (или магистратах⁴⁵) и

³⁹ Wilcken U. Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien. Ein Beitrag zur antiken Wirtschaftsgeschichte. Lpz–B., 1899. Bd I. S. 161; Льюис. Ук. соч. С. 19. Прим. 3; 28. Прим. 2; Ранович. Восточные провинции... С. 196–197; Павловская. Ук. соч. С. 50.

⁴⁰ Льюис. Ук. соч. С. 19–33.

⁴¹ Там же. С. 31.

⁴² Там же. С. 23.

⁴³ Павловская. Ук. соч. С. 57.

⁴⁴ См., например, Свенцицкая И.С. К вопросу типологической связи Фракии и малоазийских провинций Римской империи // Thracia. Т. 2. Доклады от Първия конгрес по тракология. Serdicae, 1974. С. 119–122.

⁴⁵ Вероятно, словами magister и magistratus (в греческих надписях μαγιστράτος) в селах Малой Скифии обозначалась одна и та же должность (ISM. I. P. 439, 477; V. P. 47, 95–96, 118; Bărbulescu. Op. cit. P. 52).

квесторах. Правда, не все эти свидетельства представляются в равной мере надежными. Например, говоря о квазикоммунальном устройстве сел Малой Скифии, исследователи отмечают, что упомянутый в надписи II в. с территории античной Капидавы, найденной в совр. с. Доробанцу (уезд Констанца) (ISM. V. 6 = CIL. III. 12494), М. Коккей Гил был [mag(ister) vi]ci Ni...⁴⁶ Однако в начале 5-й строки этого посвящения перед уцелевшими буквами CINI просто нет места для такой реконструкции утраченного фрагмента⁴⁷. В двух других поврежденных надписях (ISM. I. 329, 343) строки, в которых речь могла идти о сельских магистрах, вообще не сохранились, и о возможном их упоминании приходится судить только по аналогии с известными текстами сходного содержания. В некоторых же случаях магистры и магистраты упоминаются, но не указано, что они стояли во главе сел⁴⁸. Между тем в Римской империи выборные магистры возглавляли не только *vici*, но и населенные пункты иного типа, например, возникавшие у военных лагерей *canabae* и поселения ветеранов флота – *vici classicorum*, наличие которых в первых веках нашей эры в Добрудже также засвидетельствовано источниками⁴⁹. Поэтому уверенности в том, что в текстах, о которых идет речь, говорится именно о *сельских* должностных лицах, нет. Тем не менее в 35 надписях о магистрах и квесторах сел говорится совершенно определенно. Все они относятся ко II–III вв., причем самая ранняя из надписей, время появления которых можно определить с точностью до года или нескольких лет (а их более 20), датируется 140, а самая поздняя – 246 г.

К числу свидетельств о существовании в Малой Скифии сельского самоуправления иногда относят и две эпитафии римских граждан – Г. Юлия Квадрата и М. Атия (или Аттия, см. ISM. V. P. 26) Фирма, статус которых определяется как *loci principes*⁵⁰. Точку зрения В. Пырвана, отождествлявшего понятия *princeps loci* и *magister vici* (v. ISM. V. P. 103), впоследствии разделяли Т.Д. Златковская⁵¹ и Е.М. Штаерман, полагавшая, что *loci principes* – это «глава села, соответствующий топарху»⁵². Сельским магистратом считал его и В. Велков, по словам которого, «принцепс локуса» – это «начальник местного селения» (или поселка – болг. *селище*), наподобие кмета в современной Болгарии⁵³. Однако действительно ли эти *principes* были сельскими должностными лицами, однозначно сказать трудно. Дело

⁴⁶ *Munteanu M.* Cu privire la organizarea administrativă a teritoriului Capidavens (sec. I–III) // *Pontica*. 1970. 3. P. 215; *eadem.* Despre magistraturile sătești din Dobrogea Romană (sec. I–III e.n.) // *Pontica*. 1971. 4. P. 131; *Mrozewicz L.* Rozwój ustroju municypalnego a postępy romanizacji w Mezji Dolnej. Poznań, 1982. S. 67.

⁴⁷ ISM. V. P. 28–29. Tab. 6; cf. *Bărbulescu.* Op. cit. P. 111–112.

⁴⁸ IGR. I. 596; ISM. V. 15, 268; *Barnea A.* Trei altare inedite de la Tropaeum Traiani // *SCIV*. 1969. № 4. P. 599–600, 607. Fig. 5–6; *Suceveanu A.* Două inscripții inedite de la Histria // *Pontica*. 1998. 31. P. 109–114.

⁴⁹ *Schulten A.* Canabae // *RE*. Hlbd 6. 1899. Sp. 1452–1453; *Иванов П.* Долнодунавската отбранителна система между Дортикум и Дуросторум от Август до Маврикий. София, 1999. С. 255–256; *Suceveanu Al., Zahariade M.* Un nouveau «vicus» sur le territoire de la Dobroudja romaine // *Dacia*. N. S. 1986. 30. P. 110–113, 119; *Suceveanu A.* Contribuții la cunoașterea satului dobrogean din epoca romană // *SCIVA*. 2001–2002. 52–53. P. 166–167.

⁵⁰ Одна из этих надписей (CIL. III. 12491 = ISM. V. 77) датируется II в., другая (CIL. III. 772 = ISM. II. 183 = ISM. V. 4) – либо также II в. (ISM. V. P. 26), либо концом I – началом II в. (ISM. II. P. 210).

⁵¹ *Златковская Т.Д.* Мезия в I и II веках нашей эры (К истории Нижнего Дуная в римское время). М., 1951. С. 107–108.

⁵² *Штаерман.* Мораль и религия... С. 31

⁵³ *История на Добруджа.* Т. 1. София, 1984. С. 148.

в том, что единого мнения по поводу значения обоих составляющих сочетание *loci principis* слов нет. Обстоятельства находки и контекст эпитафий в принципе не противоречат тому, что упомянутые в них *loci* могли быть поселениями сельского типа. Вместе с тем, следует учитывать, что термин *locus* мог использоваться применительно к самым различным территориям и населенным пунктам, и многие исследователи полагают, что в Малой Скифии им обозначали не села, а административно-территориальные образования более высокого ранга – возможно, занимавшие промежуточное положение между *vicus* и *municipium* или подобные тем, которые в грекоязычной среде определялись понятием *τόπος*⁵⁴. Можно усомниться и в правомерности отождествления принцепсов, о которых говорится в эпитафиях, с должностными лицами. Известные упоминания о *principes loci* единичны. Однако и в эпиграфических, и в нарративных источниках в сочетании с различными терминами административного и этнического содержания слово *principes* фигурирует нередко⁵⁵, причем, судя по контексту его употребления древними авторами, речь идет не о магистратах, а о лицах, пользовавшихся особым уважением и почетом за их личные достоинства и заслуги⁵⁶. Принимая во внимание данное обстоятельство, большинство специалистов склоняется к мнению, что в этих случаях понятие *principes* не означает магистратуру, а определяет статус человека, подчеркивает его принадлежность к элите местного общества, будь то *locus*, село (*principes vici*), муниципий (*principes municipii*), колония (*principes coloniae*) и т.п.⁵⁷ Предполагается

⁵⁴ ISM. II. P. 210; V. P. 103–104; *Florescu Gr., Florescu R., Diaconu P.* Capidava. Monografie arheologică. Vol. 1. București, 1958. P. 19–21; *Popescu Em.* Aspecte ale colonizării și romanizării în Dacia și Scythia în lumina unor inscripții din Muzeul Bucureștene // *Studii clasice*. 1967. 9. P. 188; *Munteanu M.* Cu privire la organizarea administrativă... P. 217–218; *Avram A.* Observații cu privire la autonomiile rurale din Dobrogea romană (secolele I–III e.n.) // *SCIVA*. 1984. № 2. P. 160–161; *Bărbulescu.* Op. cit. P. 107. Not. 796. Попутно заметим, что и термин *τόπος* в зависимости от местности, где он употреблялся, мог приобретать различное значение. В птолемеевском и римском Египте так назывались округа, на которые делились областными (*Kortenbeutel H.* *Τόπος* // *RE*. Hlbd 12. 1937. Sp. 1723), в Этолии – небольшие городки (*Munteanu M.* Cu privire la organizarea administrativă... P. 217). А.Б. Ранович считал, что в римской Фракии *τόποι* занимали «промежуточное положение между *κόμη* и *πόλις*» (*Ранович.* Восточные провинции... С. 246), а в Пизосской надписи, по мнению Г. Михайлова, слово *τόπος* означает территорию эмпория с принадлежавшими ему полями, пастбищами и т.п. (*IGBR*. III(2). P. 117).

⁵⁵ *Popescu.* Op. cit. P. 184–189.

⁵⁶ Например, у Плиния Младшего *provinciae princeps* Помпей Юлиан – это муж благородный и достойный славы (*magnus et clarus* – *Ep.* I. 10. 8). Называя Арриана Матура принцепсом италийского города Альтин, Плиний имеет в виду его нравственную чистоту (*castitas*), справедливость (или благочестие – *iustitia*), серьезность (*gravitas*) и рассудительность (*prudentia*) (*Ep.* III. 2. 2). Показательно, что Арриан Матур лишен честолюбия (*caret ambitu*) и вследствие этого не достиг в своем городе высокого положения (*ibid.* 2. 4). Упомянутый в другом письме Клавдий Аристон (или Аристион: см. *C. Plini Caecili Secundi Epistularum libri novem, Epistularum ad Traianum liber, Panegyricus* / *Rec. R.C. Kukula.* Lipsiae, 1908. P. 171, 407), по свидетельствам эфесских надписей, в конце I – начале II в. на протяжении многих лет руководил провинциальным советом и был высшим магистратом Эфеса (Письма Плиния Младшего. Кн. I–X / Изд. подг. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватур. М., 1983. С. 341), однако для Плиния он, как *principes Ephesiorum*, прежде всего «человек, занимающийся благотворительностью и заслуженно пользующийся любовью народа» (*homo munificus et innoxie popularis* – *Ep.* VI. 31. 3).

⁵⁷ ISM. II. P. 210; V. P. 103–104; *Cagnat R.* *Principes* // *DA*. T. 4. P. 1. P. 647; *Popescu.* Op. cit. P. 184–189; *Munteanu.* Cu privire la organizarea administrativă... P. 218–219; *Avram.* Op. cit. P. 161; *Bărbulescu.* Op. cit. P. 106–107, 185–186.

также, что в провинциях этот почетный титул мог быть связан с процессом романизации и распространяться на тех автохтонов, которые раньше других получили римское гражданство, и на их потомков⁵⁸. Развивая эту мысль, на наш взгляд, позволительно допустить, что его могли носить не только представители коренного населения провинций, но и оказавшиеся среди первых в той или иной местности римских граждан уроженцы других земель. Не исключено, что именно первыми в своих *loci* римскими гражданами и были носившие чисто римские имена Гай Юлий Квадрат и Марк Атий Фирм или их предки.

Возвращаясь к надписям, в которых говорится о сельских магистрах и квесторах, отметим, что из десяти сел дошло только по одному упоминанию о них⁵⁹. По два таких свидетельства происходит из *vicus Celeris* (ISM. I. 351, 352), *vicus Clementianus* (или *Clementianensis*)⁶⁰ и *vicus Scenopesis* (ISM. V. 21, 22), четыре – из *vicus Ulmetum*⁶¹. Чаще всего выборные должностные лица упоминаются в надписях из *vicus Secundini* (ISM. I. 344–347, 349)⁶² и *vicus Quintionis* (ISM. I. 324–328, 330–332, 341), находившихся на землях Истрии⁶³.

Данные источников позволяют говорить о существовании в Малой Скифии различных вариантов организации сельского самоуправления. Во главе *vicus Quintionis*, например, стояли два магистра и квестор. Из посвящения, найденного у совр. с. Бабадаг в уезде Тульча (ISM. V. 233), следует, что аналогичным образом было организовано управление в *vicus Nov(us)*⁶⁴. В *vicus Petra*, следы которого, как полагают, сохранились на месте совр. с. Камена (уезд Тульча), руководство осуществляли два магистра и два квестора⁶⁵. Нигде больше сельские квесторы прямо не упоминаются. Тем не менее, говоря о возможности их наличия и в других селах, видимо, нужно учитывать греческую надпись из совр. с. Истрия (бывш. Каранасуф) в уезде Констанца (ISM. I. 363), установленную по инициативе трех магистратов (*μαγιστράτοι*) комы, название которой не указано. Разумеется, все эти лица вполне могли быть сельскими магистрами⁶⁶. Однако из текста надписи следует, что, возможно, они занимали эту должность одновременно, а подобного

⁵⁸ Popescu. Op. cit. P. 189; Гергов. Земевладението... С. 81. Заб. 123.

⁵⁹ ISM. I. 363, 368, 378; II. 33, 137, 141; V. 56, 115, 222, 233.

⁶⁰ ISM. II. 134 = ISM. V. 92; ISM. II. 136 = ISM. V. 93; Rădulescu A. Inscriptiile inedite din Dobrogea // SCIV. 1963. № 1. P. 79–81.

⁶¹ ISM. V. 62–64, 69. В одном из этих посвящений (№ 64) название села воспроизведено как *vicus Ultinsium*, однако нам представляется убедительной аргументация специалистов, которые усматривают в этом ошибку резчика, неверно передавшего производную от *Ulmetum* форму *Ulmetensium* (см. Russu I.I. *Vicus «Ultinsium»* // SCIV. 1957. № 1–4. P. 311–314; ISM. V. P. 87–88).

⁶² По мнению издателей, существует большая вероятность того, что из *vicus Secundini* происходит еще одна, сильно поврежденная надпись, в которой упоминаются два магистра (ISM. I. 342). Правда, полной уверенности в этом нет: название села в сохранившейся части текста не указано, а обстоятельства находки надписи неизвестны (*ibid.* P. 456–457).

⁶³ Точное местоположение *vicus Secundini* не установлено, а *vicus Quintionis*, вероятно, находился на месте совр. с. Синое в уезде Констанца (см. ISM. V. P. 437, 455–456).

⁶⁴ В свое время Т. Моммзен предположил, что село могло называться *Nov(iodunum)* (CIL. III. 14448. P. 2670), однако эта версия не нашла у специалистов широкой поддержки (*Vulpe R., Barnea I. Romania la Dunărea de Jos. București, 1968. P. 163, 172; Bărbulescu. Op. cit. P. 93; ISM. V. P. 251*).

⁶⁵ ISM. V. 222; Aricescu A. *Adnotări epigrafice (2)* // SCIV. 1976. № 4. P. 528–531; Bărbulescu. Op. cit. P. 95.

⁶⁶ См. прим. 45.

совместного управления трех магистров ни в одном селе Малой Скифии не зафиксировано. Вместе с тем словом *magistratus* и там в принципе могли обозначать любую руководящую должность. Поэтому, на наш взгляд, не исключено, что под тремя магистратами подразумеваются два магистра и квестор (cf. ISM. I. P. 476)⁶⁷. Во всех других известных случаях селами Малой Скифии руководили магистры. В *vicus Turtis* Муса..., находившемся, вероятно, в непосредственной близости от города Томи⁶⁸, у кометов Хорадагей⁶⁹ на территории Истрии, а также в *vicus Secundini* их было по два. Остальные девять сел, откуда происходят свидетельства о выборных должностных лицах, управлялись одним магистром⁷⁰.

Источники не дают определенного ответа на вопрос, чем могут объясняться отмеченные различия в организации сельского самоуправления. По мнению В. Велкова, они были обусловлены спецификой социального и этнического состава населения сел: например, в *vicus Quintionis*, судя по надписям, было три основных группы жителей – *veterani et cives Romani et Bessi*, и, соответственно, там избирали трех должностных лиц. В *vicus Secundini* проживали *cives Romani et Lai*, и это село управлялось двумя магистрами. В селах же с более или менее однородным населением было достаточно одного магистра⁷¹. Резон в такого рода рассуждениях, несомненно, есть, хотя и следует принимать во внимание то, что в действительности нам не известно, указаны ли в надписях все категории жителей того или иного села или только те, от имени которых совершалось посвящение. Однако и с учетом этого прямое соответствие между количеством упомянутых групп населения и числом должностных лиц в селе наблюдается не всегда. Так, из содержания надписи из *vicus Nov(us)* следует, что в нем проживали *cives Romani* и *veterani*, а между тем этим селом руководили два магистра и квестор. Напротив, население *vicus Ulmetum* состояло из *cives Romani et Bessi* и тем не менее управлялось всего одним магистром. Поэтому позволим себе предположить, что различия в организации управления могли быть обусловлены не только, а может быть, и не столько неоднородностью населения сел, сколько его численностью и обеспеченностью. Очевидно, потребность в избрании двух и более должностных лиц, в том числе казначеев-квесторов, возникала прежде всего в многолюдных и зажиточных селах, тогда как справиться с управлением небольшой деревней мог и один человек. Этим, кстати, может объясняться и наличие соответственно двух, трех и четырех должностных лиц в Хорадагей, коме, находившейся у совр. с. Истрия, и *vicus Petra*. Надписи из этих сел (возможно, потому что речь не идет о посвящениях) не содержат указаний на этническую или социальную дифференциацию их жителей, зато дают основания полагать, что это были относительно крупные сельские поселения. Во всяком случае, по свидетельствам надписей, в *vicus Petra* имелась общественная баня (*balineum*), а в коме у с. Истрия – то ли баня, то ли харчевня, то

⁶⁷Заметим также, что, насколько нам известно, в греческих надписях из сел Малой Скифии соответствующее латинскому *quaestor* слово *ταμίης* не встречается, а используется исключительно термин *μαγίστρατος*, – возможно, как собирательный для обозначения любых должностных лиц.

⁶⁸ISM. II. 141; *Bărbulescu*. Op. cit. P. 48–49.

⁶⁹См. прим. 18–20.

⁷⁰Вполне возможно, что *magistri* чаще всего возглавляли села и в других областях империи. По крайней мере, Фест, характеризуя *vicī*, упоминает именно об этих должностных лицах (*Fest.* 502 L.).

⁷¹История на Добруджа. Т. 1. С. 148.

ли даже общественный туалет (ἀβιτώριον⁷²), что едва ли могло быть характерным для поселков, состоявших из нескольких домохозяйств. Кометы же, проживавшие в Хорадагей, хотя и находились во времена, к которым относится их петиция, в тяжелом положении, видимо, были достаточно многочисленны. В противном случае они вряд ли оказались бы в состоянии обратиться с жалобой вначале к наместнику провинции, а затем и к самому императору, а главное, утрачивал бы силу решающий аргумент просителей – их готовность переменить местожительство: уход нескольких семей не мог существенным образом сказаться на обслуживании общественной дороги, и рассчитывать на то, что власти удовлетворят их просьбу, сельчанам не приходилось.

Особого внимания заслуживает вопрос об этническом составе сельского руководства, изучение которого позволяет, в частности, расширить представление о роли местного, фракийского населения в общественной жизни как Малой Скифии, так и Нижней Мезии в целом. Более половины сельских магистров и квесторов, сведениями о которых мы располагаем, носили римские имена. Достаточно активно участвовали в сельском управлении и греки, причем в Хорадагей и в коме у совр. с. Истрия, – возможно, селах с преимущественно греческим населением, греками были все известные из источников магистраты. Нередко упоминаются в надписях из сел Малой Скифии и должностные лица фракийского происхождения. На этом основании может сложиться впечатление о широком участии фракийцев в сельском самоуправлении. Однако следует учитывать, что свидетельства о магистратах-фракийцах происходят всего из четырех сел, а в большинстве своем относятся к одному – vicus Quintionis. Надписи из этого села сообщают имена 15 магистров⁷³ и 8 квесторов. Во всех зафиксированных источниками случаях один из двух ежегодно избиравшихся там магистров был фракийцем. Из фракийской среды происходили и квесторы 175 г. Dotus(?) Zinebti (ISM. I. 330) и 177 г. Fronto Bu[?rt]sitsinis (ISM. I. 32)⁷⁴. Всего же в vicus Quintionis из 23 известных должностных лиц фракийские имена носили 10 человек, то есть более 40%. Два (ISM. I. 345, 347) или три⁷⁵ фракийца были магистрами в vicus Secundini, по одному – в vicus Ulmetum (ISM. V. 69) и в vicus Scenopesis (ISM. V. 21). Между тем по надписям из 12 других сел известно еще 22 имени должностных лиц и ни одно из них не является фракийским. Следовательно, активное участие фракийцев в местном самоуправлении было характерным далеко не для всех сел Малой Скифии и можно предположить, что оно имело место прежде всего там, где автохтоны фракийских земель составляли значительную часть жителей. Кстати, если о составе населения vicus Scenopesis ничего не известно, то об осязательном присутствии фракийцев в vicus Quintionis, vicus Secundini и vicus Ulmetum надписи, как отмечалось, свидетельствуют совершенно определенно.

⁷² О возможных значениях этого слова см. IGRR. I. 599. P. 202; ISM. I. 363. P. 476.

⁷³ Один из них, Элий Беллик, очевидно, занимал эту должность дважды – в 167 (ISM. I. 327) и 175 (ISM. I. 330) гг.

⁷⁴ С учетом того, что в 176 г. эту должность занимал Флавий Секунд (ISM. I. 331), Т.Д. Златковская замечает: «Что же касается квесторов, то с 175 г. на этом посту *ежегодно чередуются то римлянин, то фракиец*» (Мезия... С. 107; курсив мой. – А.М.). Однако, думается, для подобного заключения нет достаточных оснований, так как оно базируется на данных всего за три года, а в других надписях из vicus Quintionis квесторы-фракийцы не упоминаются. Не соответствует свидетельствам источников и замечание Е.М. Штаерман о том, что «в нижнемезийских селах магистрами были обычно римские граждане, квесторами – туземцы» (Мораль и религия... С. 45).

⁷⁵ Если учитывать надпись ISM. I. 342; см. прим. 62.

Круг полномочий и обязанностей сельских должностных лиц мог быть достаточно широк. В Малой Азии, например, в первых веках нашей эры комархи следили за установкой статуй и возведением общественных зданий, осуществляли различные операции с землей⁷⁶. В римском Египте они распоряжались общественным имуществом села и отчасти его денежными средствами, от имени комы подавали прошения и защищали ее интересы в суде, заключали соглашения об аренде земли, найме рабочей силы и т.п.⁷⁷ Вместе с тем, видимо, именно управлявшие селами магистраты несли основную ответственность перед властями за уплату налогов и несение повинностей их односельчанами⁷⁸. Скорее всего, аналогичным образом обстоит дело и в Малой Скифии. Однако свидетельства источников о том, чем занимались там сельские должностные лица, в основном однотипны. В большинстве своем это сделанные при их участии посвящения, прежде всего высшим богам официального римского пантеона – Юпитеру Всеблагому Величайшему и Юноне Царице на благо (*pro salute*) правящих императоров, а иногда также и односельчан и домохозяев магистратов. Среди других божеств, к которым они обращаются от имени своего села, фигурируют Нимфы и Сильван (*ISM. I. 325*), Геркулес Непобедимый (*ISM. I. 324*) и Церера Плодоносная, или Урожайная (*Ceres Frugifera: ISM. V. 56*).

К числу посвящений сельских должностных лиц Малой Скифии относится и надпись II в., поставленная магистром села, ветераном V Македонского легиона Г. Юлием Валентом (*ISM. V. 115*). По мнению Г. Точилеску (*ISM. V. P. 138*), которое и ныне находит приверженцев⁷⁹, этот алтарь мог быть посвящен Гению села Веробриттиана (или Вергобриттиана, см. *ISM. V. 115 comm.*)⁸⁰. В действительности достаточных оснований для такой интерпретации нет. Верхний фрагмент алтаря, содержащий, видимо, около половины всего текста, утрачен, причем ни одна буква над первой из сохранившихся строк, которую составляют слово *visi* и начало названия этого села – *Verg[o]* (или *Vero[?]*, v. *CIL. III. 12479*), не угадывается (v. *ISM. V. 115 comm. et imago fotogr.*). Поэтому любое предположение относительно адресата этого посвящения может иметь только гипотетический характер, и, следовательно, надпись Г. Юлия Валента нельзя считать достоверным свидетельством наличия в селах Малой Скифии культа особых, считавшихся именно их покровителями, божеств – одного из характерных, по мнению исследователей⁸¹, признаков сельской общины. Тем не менее сомневаться в том, что во фракийских землях он имел место, не приходится. Об этом свидетельствуют посвящения богам, наделенным эпиклесами, производными от местных географических названий, среди которых есть и наименования сел или находившихся в их окрестностях святилищ. Так, например, на территории Филиппополя обнаружены надписи, посвященные *Nύμφαις Βορδαπηναῖς* (определение *Βορδαπηναί*, должно быть, представляет собой дериват от топонима

⁷⁶ Голубцова. Очерки... С. 122–123; она же. Сельская община... С. 143.

⁷⁷ Павловская. Ук. соч. С. 58.

⁷⁸ Там же. С. 55–56, 58; Штаерман. Древний Рим... С. 45.

⁷⁹ *Bărbulescu*. *Op. cit.* P. 265.

⁸⁰ Аналогичным образом трактовала эту надпись и Е.М. Штаерман (Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Ранней Римской империи / Подбор, пер. и комм. Е.М. Штаерман под ред. Ф.А. Петровского // ВДИ. 1956. № 4. С. 195. № 1434).

⁸¹ Штаерман. Древний Рим... С. 19; она же. Еще раз к вопросу... С. 92; Голубцова. Община, племя, народность... С. 53.

Βουρδαπα)⁸² и Ασκληπιῶ Ρασυπτηρηῶ (от *Ρασυπτηρα) (IGBR. III(I). 1185). На землях Паугалии сельчане поклонялись Ἀσκληπιῶ Σπιλιοπυρηῶ (от *Σπιλιοπυρα) (IGBR. IV. 2065), Ἡρα Βυαιπαρηῆ (от *Βυαιπαρα) (IGBR. IV. 2117), а также Διὶ καὶ Ἡρᾷ Καριστορηνοῖς (от Καριστορον) (IGBR. IV. 2150–2157, 2162, 2164–2166, 2168). Производными от названий сел или функционировавших в сельской местности святилищ вполне могут быть и эпиклесы божеств, почитавшихся на территории Сердики, откуда происходят посвящения Σαβαζίῳ Αθηπαρηῶ (от *Αθηπαρα) (IGBR. IV. 1927), Ἡρα Αρμουληνηῆ (от *Αρμουλα) (IGBR. IV. 2003) и Απόλλωνι Ραισκεληῶ (от *Ραισκελα) (IGBR. IV. 1928). На территории Никополя на Истре зафиксированы локальные формы поклонения Зевсу⁸³ и Сабазию⁸⁴. Свои связанные с его почитанием в сельской местности прозвища, видимо, имел, среди прочих, и Фракийский всадник⁸⁵. Не продолжая здесь перечень подобного рода примеров, обратим лишь внимание на алтарь начала III в., найденный в совр. с. Пелишат Плевенской общины (ILBR. 237). Дедикант установил его в благодарность за свое исцеление от тяжелой болезни Юпитеру Всеблагому Величайшему и всем богам и богиням Гиридавы (IOM ceterisque diis deabusq(ue) Giridavens(ibus)), из чего следует, что божеств, которых жители села считали своими личными благодетелями, могло быть по меньшей мере несколько.

История религиозной жизни сельского населения Нижней Мезии и Фракии, несомненно, представляет самостоятельный интерес и нуждается в специальном исследовании. В ходе такой работы круг свидетельств о божествах–покровителях сел, надо полагать, будет существенно расширен, а представление об их культе, насколько это окажется возможным, конкретизировано. Однако и в свете приведенных данных факт его наличия в первых веках нашей эры во фракийских землях представляется очевидным.

В ряде случаев сельские магистраты Малой Скифии особо подчеркивают, что посвящения были сделаны на их собственные средства⁸⁶. Вероятно, это обусловлено тем, что такие алтари устанавливались и на коллективные деньги сельчан. Косвенным подтверждением возможности наличия в селах общественной казны, которой заведовали магистры или там, где они имелись, квесторы, может служить надпись из vicus Celeris (ISM. I. 352 = ISM. II. 371). Из нее следует, что некое лицо, имя которого не сохранилось, оставляет селу 75 денариев, с тем чтобы под руководством магистров в селе ежегодно справляли популярный в первых веках нашей эры во фракийских землях обряд розалий⁸⁷. Поскольку эти деньги предполагалось

⁸² IGBR. III(I). 1338, 1339; cf. *Detshev D.* Die thrakischen Sprachreste. 2. Aufl. Wien, 1976. S. 81. О существовании на территории Филиппополя села Burdapa свидетельствует надпись III в. из Рима, см. CIL. VI. 32543.

⁸³ *Тодоров Я.* Паганизъмът в Долна Мизия през първите три века след Христа. София, 1928. С. 43, 232. № 602, 604.

⁸⁴ Там же. С. 87–88, 223. № 527; *Detshev.* Op. cit. S. 27.

⁸⁵ См. *Тодоров.* Пос. съч. С. 123–126; *Ботева-Боянова Д.* Обвързаност между изображение и надпис при оброчни релефи на Тракийския Конник: анализ на база данни // Образ и култ в Древна Тракия: Аспекти на формирането на тракийския образен език / Съст. Д. Ботева-Боянова. Велико Търново, 2006. С. 196–217.

⁸⁶ ISM. II. 133, 134 (= ISM. V. 92), 136 (= ISM. V. 93), 137; ISM. V. 22, 62–64, 69.

⁸⁷ О rosalia в Нижней Мезии и Фракии см. *Тодоров.* Пос. съч. С. 105–110; *Златковская Т.Д.* К проблеме самобытности фракийской культуры в римское время // ВДИ. 1981. № 4. С. 21–31; *Шопова И.* Към проблема за празника Rosalia и култа на Дионис в провинция Долна Мизия // *Seminarium Thracicum.* 3. Първи академични четения в памет на академик Гаврил Кацаров. София, 1998. С. 157–165.

использовать регулярно, можно допустить, что они были внесены в сельскую казну, откуда по мере необходимости и расходовались.

Информации о том, в чем еще, помимо организации коллективных посвящений, заключались функции сельских должностных лиц Малой Скифии, немного, но она достаточно показательна. Так, магистраты комы Хорадагей от имени односельчан подписывают копию их петиции, адресованной императору и наместнику провинции, а также резолюции на это прошение (ISM. I. 378. C21–24), из чего следует, что они были правомочны представлять свое село в отношениях с римскими властями. В обязанности сельских магистратов, по всей вероятности, входило и руководство работами по возведению новых и ремонту старых общественных построек. По крайней мере, именно магистры и квесторы упоминаются в связи с тем, что в vicus Quintionis было отстроено какое-то общественное здание (auditorium), возможно – сельской управы (ISM. I. 324. P. 439), а vicani Retrenses построили себе баню (ISM. V. 222). Особо же отметим надпись из комы у совр. с. Истрия (ISM. I. 363). В ней сообщается, что Дионисий и Геродор, сыновья Сатириона, и Артемидор, сын Дионисия, то ли построили, то ли привели в порядок для своего села ἀβιτώριον⁸⁸ (τὸ ἔργον τοῦ ἀβιτωρίου κατεσκευάσαν), причем сделали это на собственные средства (ἐκ τῶν ἰδίων), в благодарность за избрание их магистратами (ὑπὲρ μαγιστράτης). Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что несмотря на, видимо, достаточно широкий круг обязанностей находиться во главе села было для них престижно, а возможно, и выгодно.

На основании приведенных данных может сложиться впечатление о достаточно широком распространении сельского самоуправления в Нижней Мезии. Однако свидетельств о нем, происходящих из-за пределов Малой Скифии, чрезвычайно мало. К их числу с уверенностью можно отнести всего две надписи из западной части провинции, причем обе они относятся к одному и тому же селу – vicus Trullensium, руины которого предположительно находятся у совр. с. Кунино Романской общины в области г. Монтана⁸⁹. Это посвящения Юпитеру Всеблагому Величайшему на благо правящих императоров, сделанные от имени односельчан двумя магистратами. Одно из них датируется 161–169 или 198–209 гг. (ILBR. 180 comm.), другое (ILBR. 183 = IGBR. II. 503) – второй половиной II в.⁹⁰ Судя по надписям, найденным в с. Кунино и его окрестностях, vicani Trullenses различались между собой и по этнической принадлежности (они носили и римские, и греческие, и фракийские имена), и по роду занятий⁹¹. На этом основании складывается ощущение, что vicus Trullensium был довольно многолюдным, большим

⁸⁸ См. прим. 72.

⁸⁹ Велков И. Vicus Trullensium // Исследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958. С. 557–565; IGBR. II. P. 34; ILBR. P. 86. Ср. Александров Б. Vicus Trullensium // Известия на Исторически музей – Ловеч. 1996. Т. 2. С. 38–42; Манов М. Отново за Vicus Trullensium // Археология. 2001. Кн. 3–4. С. 75.

⁹⁰ Тачева М. Ролята на преселниците от Мала Азия, Сирия и Египет в икономическия и културния живот на Долна Мизия и Тракия през I–III в.: Дис... канд. на ист. науки. Велико Търново, 1968. Прил. 2. № 195.

⁹¹ IGBR. II. 503–508; ILBR. 180, 181, 183. Особое внимание обращает на себя присутствие в vicus Trullensium целой группы мастеров работы по камню (lapidarii), возможно, переселившихся туда из восточных областей Империи, см. Тачева. Ролята на преселниците... С. 90–91.

поселением⁹², и если это было действительно так, наличие в нем двух магистров подтверждает предположение о том, что число выборных должностных лиц могло определяться величиной села и особенностями этнического состава его населения.

Не исключено, что вне Малой Скифии находилось и село, магистром которого был некий Burtinus⁹³, в 153 г. совместно с сыном Деметрием сделавший посвящение Iovi Optimo Maximo et Iunoni Reginae pro salute Imperatoris... et pro salute vici et sua et suorum (CIL. III. 7466). Правда, Буртин называет себя гражданином Томи, и можно предположить, что речь идет о селе, расположенном на территории этого города. Однако сделанное им посвящение обнаружено более чем в 150 км от Томи – в окрестностях совр. г. Шумен. Разумеется, в принципе надпись могла быть перевезена и на такое расстояние, но, на наш взгляд, резоннее допустить, что упомянутый в ней vicus скорее все же находился в тех местах, где был найден алтарь и куда Буртин мог перебраться, оставаясь гражданином Томи.

Этими тремя надписями круг упоминаний о самоуправлении в селах Нижней Мезии за пределами Малой Скифии, фактически и ограничивается⁹⁴. Что же касается территории римской Фракии, то там свидетельств о сельских должностных лицах не обнаружено вообще. Единственное, что дает почву для рассуждений о возможности существования сельского самоуправления на землях к югу от Балканских гор, – это содержащиеся в четырех надписях с территории Филиппополя и Сердики упоминания о комархиях. В Малой Азии термином κομάρχια обозначали руководство селами, осуществлявшееся сельскими старостами – комархами⁹⁵. Возможно, именно на этом основании Е.С. Голубцова считала деревенскими «коллективными органами управления» и комархии, о которых говорится в надписях из Фракии⁹⁶. «Коллективными органами самоуправления» сел называет их и М. Тачева⁹⁷. Однако данную точку зрения разделяют не все исследователи. М.И. Ростовцев усматривал во фракийских комархиях совокупность некоторого числа деревень⁹⁸. Впоследствии эту мысль поддержал и развил Б. Геров, по мнению которого, во Фракии в первых веках нашей эры κομάρχιαι были объединениями нескольких со-

⁹² Такое допущение соответствует и характеру обнаруженных в местности Градиште у с. Кунино следов древнего поселения, достигшего своего расцвета во II–III вв., см. *Велков*. Vicus Trullensium... С. 560–565. Однако систематические раскопки там, насколько нам известно, не предпринимались, и пока они не будут проведены, говорить определенно о том, было ли это поселение селом и тем более именно vicus Trullensium, не приходится.

⁹³ Специалисты считают это имя германским или фракийским, см. *Геров Б.* Романизмът между Дунава и Балкана. Ч. 2 // ГСУ. Филологически факултет. 1952–1953. Т. 48. С. 387; *Minkova M.* The Personal Names of the Latin Inscriptions in Bulgaria. Frankfurt am Main e.a., 2000. P. 128.

⁹⁴ К нему иногда относят также посвящение конца II – начала III в. Юпитеру Всеблагому Величайшему и Юноне Царице, найденное в с. Криводолска Махала (ныне квартал г. Криводола), примерно в 20 км от руин римского города Монтана, так как его автором является Аврелий Викторин, princeps vici Tautiomosis (*Венедиков Ив.* Два новооткрыти паметника за религиата на траките през римската епоха // ИБАИ. 1955. 19. С. 201–203. № II. Обр. 4; *Велков В., Александров Г.* Эпиграфски паметници от Монтана и района. Монтана, 1994. С. 31. № 62). Однако, как отмечалось выше, термин princeps в подобном контексте вполне мог обозначать социальный статус человека, а не выборную должность.

⁹⁵ *Swoboda.* Κώμη // RE. Suppl. Bd 4. 1924. Sp. 971.

⁹⁶ *Голубцова.* Община, племя, народность... С. 137.

⁹⁷ *Тачева.* Пос. съч. С. 167, 183.

⁹⁸ *Ростовцев.* Общество и хозяйство в Римской империи... Т. 1. С. 225.

седних сел⁹⁹, как правило небольших, тогда как более крупные κῶμαι могли иметь собственное самоуправление, возможно, также именовавшееся комархией¹⁰⁰. Относительно недавно, ориентируясь на представление о комархии как «административно-территориальном объединении нескольких сел», попытку локализовать земли одного из таких объединений – Бендипары – предпринял В. Динчев¹⁰¹.

Таким образом, суждения о том, чем были κωμαρχίαι во Фракии – сельскими органами управления или объединениями сел, расходятся. Ни один из названных авторов развернутой аргументации своего мнения не приводит, однако, думается, отмеченные расхождения во многом обусловлены характером надписей из фракийских земель, в которых упоминаются комархии. Чтобы получить представление о том, насколько обоснованы приведенные трактовки понятия κωμαρχία, обратимся непосредственно к этим текстам.

Две надписи, свидетельствующие о комархиях, обнаружены у с. Туден в общине Годеч Софийской обл., где в древности, в 40–50 км от Сердики, находились фракийское село и, предположительно, святилище (IGBR. IV. P. 105). Эти вырезанные на постаментах мраморных статуй Зевса и Геры тексты однотипны: Κυρίῳ Διὶ(ι) ἡ κωμαρχία / εὐχῆν (IGBR. IV. 2043); Κυρία Ἦρα ἡ κωμαρχία εὐχῆν (IGBR. IV. 2044). Специфика контекста употребления слова κωμαρχία в обоих случаях заключается в том, что оно не сопровождается ее названием. Данное обстоятельство может объясняться только тем, что установить статуи в соответствующем месте, например в упомянутом святилище, могла лишь какая-то одна комархия. Следовательно, ответ на вопрос, что она собой представляла, во многом зависит от того, кому принадлежало это святилище: если одному селу, то, очевидно, речь идет об органах его управления, если же группе ком, то, вероятнее, имеется в виду территориальное объединение. Источники об этом не информируют, и гипотетически допустимыми представляются оба варианта. Можно, правда, предположить, что оплатить по меньшей мере несколько мраморных изваяний, в том числе хорошей работы (v. IGBR. IV. Tab. 55, 56), было под силу скорее нескольким селам, чем одному. Однако такая аргументация для уверенного заключения о принадлежности святилища объединению сел явно недостаточна. Поэтому судить определенно о значении интересующего нас термина по данным надписей из с. Туден не представляется возможным.

Больше данных для рассуждений о смысле понятия κωμαρχία содержится в надписях, найденных в руинах древнего поселения на месте совр. г. Хисаря¹⁰², в 30–40 км севернее античного Филиппополя. В первой из них, датированной временем

⁹⁹ За пределами Фракии, насколько нам известно, слово κωμαρχία в этом смысле не использовалось. Зафиксированные же источниками объединения сел в Греции и Малой Азии и в доримское время, и в первых веках нашей эры назывались иначе – трикомиями, тетракомиями и пентакомиями (см. *Swoboda*. Κῶμη. Sp. 951, 955, 964; *Голубцова*. Сельская община Малой Азии... С. 135, 143; *она же*. Роль социальной среды в жизни крестьянина // *Среда, личность, общество*. Доклады конференции. М., 1992. С. 28–29; *Greek-English Lexicon*. P. 1017.

¹⁰⁰ *Gerov B.* Zur inneren Organisation des römischen Thrakiens // *Studia in honorem Veselini Beševliev*. Sofia, 1978. S. 484; *Геров*. Земевладението... С. 108–110.

¹⁰¹ *Динчев В.* Селата в днешната българска територия през римската епоха (I – края на III век) // *Известия на Националния исторически музей*. 2000. Т. 11. С. 186; *същият*. Бендипара – първата точно локализована комархия в римска Тракия // *Минало*. 1996. Кн. 1. С. 19–21.

¹⁰² IGBR. III(1). P. 230, 232. Тексты приводятся в редакции, предложенной Г. Михайловым. О возможных расхождениях в прочтении названий сел и комархий см. IGBR. III(1). P. 231–232.

правления Александра Севера, в частности, говорится: ...[Κ]ωμαρχία Ζερκλη/[ν]η καὶ κωμαρχία Ζη/βαστηνη εὐχαρι/στοῦμεν διὰ κωμητῶν/Βρεντοπαρων καὶ/Μωσυπητων (εὐχαρι/στοῦμεν) Αὐρηλίω/Καρθενθη Βειθυτικο[ῦ]/γενομένω φυλάρχω/φυλῆς Ἐβρηίδος... (IGBR. III(1). 1473. 4–13). Как видим, κωμαρχίαι благодарят филарха через жителей двух сел, и наиболее естественное, на наш взгляд, объяснение такого посредничества может заключаться в предположении, что эти села входили в состав упомянутых комархий. Вторая надпись относится к концу II – началу III в.¹⁰³ и, как и первая, содержит упоминание о комархии в связи с благодарностью, которую кометы выражают филарху: Ἀγαθῆι τύχηι/κωμαρχίας Εἰ/τριζηνης./Κωμηῆται Εἰ(ιτ)ρι/ζηνοι καὶ κω/μηῆται Γεῖζαγη/ρηνοι καὶ κω/μηῆται Βδεκυ/ρηνοι εὐχαρι/στοῦσιν Αἰμιλι/ω Βειθυ φυλαρ/χῆσαντι κατὰ/τοὺς νόμους/ἀγνώως καὶ δ[ι]/καίω[ς- - -] (IGBR. III(1). 1474). В принципе и в этой редакции текст не противоречит гипотезе о территориальном характере комархий во Фракии. Однако представляется вполне допустимым и то, что точка, которую Г. Михайлов, учитывая имеющиеся аналогии, предпочел поместить после третьей строки, по замыслу авторов надписи могла находиться в конце первой (IGBR. III(1). P. 232; cf. IGRR. I. 728. P. 242). При таком варианте пунктуации начало текста обретает следующий вид: Ἀγαθῆι τύχηι./Κωμαρχίας Εἰ/τριζηνης/κωμηῆται... (В добрый час. Комархии Эйтридзены кометы...) и, соответственно, становится прямым свидетельством вхождения перечисленных сел в комархию, носившую то же название, что и одно, возможно, самое значительное из них.

Таким образом, обращение к надписям из г. Хисаря позволяет отдать предпочтение мнению М. Ростовцева и Б. Герова. Вместе с тем, на наш взгляд, не следует исключать *возможность* употребления во фракийских землях термина κωμαρχία и для обозначения сельского самоуправления. Так, могло иметься немало причин, по которым лица, стоявшие во главе ком Дзерклена и Дзебастана (IGBR. III(1). 1473), предпочли для вынесения благодарности филарху воспользоваться посредничеством других сел; древнее святилище у совр. с. Туден, как отмечалось, могло принадлежать одному селу, и в таком случае статуи Зевса и Геры были установлены там от имени его комархов и т.д. Кстати, о том, что во Фракии могла существовать должность комарха, свидетельствует вполне допустимый вариант прочтения второй строки надписи, найденной на территории античной Пауталии, у совр. с. Таваличево в общине Кюстендил: Κυρίω Σεβαζ[ίω]/ ἐπὶ κωμάρχ[ω], т.е. посвящение Сабазию сделано в присутствии комархов, имена которых приводятся ниже (v. IGBR. IV. 2196 comm.; Tab. 107).

Так или иначе, чем бы ни были κωμαρχίαι в римской Фракии, их наличие засвидетельствовано лишь в двух местах и, следовательно, не может решающим образом повлиять на то, как выглядит в свете данных имеющихся источников общая картина распространения в восточнобалканских провинциях сельского самоуправления. Подавляющее большинство упоминаний о нем происходит из Северной Добруджи. Между тем эта территория составляла лишь небольшую часть фракийских земель. Доказательное объяснение столь очевидной неравномерности в распределении свидетельств о квазимуниципальном устройстве сел найти сложно. Разумеется, можно предположить, что существование в селах местных органов власти было характерным прежде всего для наиболее романизированных или эллинизированных районов. Но как в таком случае объяснить то обстоятельство, что все свидетельства о сельских должностных лицах Малой Скифии относятся к ее северной части, тогда как на территории южной, ныне болгарской, Добруджи их не обнаружено вообще? Поэтому, на наш взгляд, скудость данных о самоуправлении сел Фракии и Нижней

¹⁰³ См. Геров. Земевладението... С. 106. Заб. 353.

Мезии за пределами Малой Скифии во многом может быть обусловлена недостаточной изученностью деревенских поселений первых веков нашей эры на территории современной Болгарии¹⁰⁴, что существенно ограничивает возможности изучения истории сельской жизни фракийских земель в римское время.

Подводя итог обзору свидетельств об общинных отношениях в селах восточно-балканских провинций в первых веках нашей эры, отметим следующее. Приведенные данные позволяют определенно говорить о существовании в Нижней Мезии сельского самоуправления. Не исключено, что оно имело место и во Фракии, но прямых указаний на это в источниках нет. К числу зафиксированных надписями проявлений крестьянского коллективизма следует отнести и почитание сельчанами божеств, которых они считали своими покровителями, а также все прочие их совместные посвящения богам и императорам. Вполне возможным представляется и наличие в селах круговой поруки за выполнение возложенных на их жителей обязанностей. Однако правомерно ли на основании этих факторов говорить о существовании *сельской общины*?

По мнению Е.М. Штаерман, «при скудости наших источников, даже данные, относящиеся к какому-нибудь одному из... признаков (общины. – А.М.), могут быть приняты как свидетельства возможного существования общины или, по крайней мере, значительных ее пережитков»¹⁰⁵. Такая постановка проблемы кажется нам не совсем удачной, ибо отдельные элементы общинных отношений, думается, можно обнаружить в жизни любого села, вплоть до современного, и, соответственно, наличие общины придется усматривать во многих случаях, когда она в силу сложившейся исторической ситуации уже не могла существовать. В связи с этим заслуживает внимания критическое замечание о подходе Е.М. Штаерман к решению вопроса о существовании общины, высказанное А.Р. Корсунским: «Приняв такой путь исследования, мы допустили бы логическую ошибку: стали бы судить о наличии явления по одному из нескольких его существенных признаков»¹⁰⁶. При этом исследователь подчеркивает, что сам он, употребляя понятие «сельская община», имеет в виду «сочетание всех существенных признаков»¹⁰⁷. Сходного мнения придерживалась и Е.С. Голубцова, отмечавшая, что «каждый из... признаков (общины. – А.М.) сам по себе еще не может дать ответа на вопрос, является или не является тот или иной коллектив общиной»¹⁰⁸. Такая точка зрения представляется в принципе приемлемой. Однако, придерживаясь ее, нельзя не задаться вопросом: можно ли, ориентируясь на существующие определения общины, рассчитывать на то, что все ее характерные признаки на интересующей исследователя территории, даже там, где наличие в первых веках нашей эры общинных отношений не вызывает сомнений, найдут подтверждение? Ведь нужно учитывать, что некоторые из них, например, трудовой принцип собственности крестьян на землю¹⁰⁹, их взаимо-

¹⁰⁴ Ср. Динчев. Селата... С. 185–186, 191–197. Представляется также вполне вероятным, что не все обнаруженные болгарскими учеными надписи, которые содержат информацию о сельском самоуправлении, к настоящему времени введены в научный оборот. Не исключено и то, что некоторые публикации остались нам просто неизвестными. Автор будет признателен читателям, которые сочтут возможным сообщить ему об этом.

¹⁰⁵ Штаерман. Еще раз к вопросу... С. 92.

¹⁰⁶ Корсунский. Проблемы аграрного строя... С. 54.

¹⁰⁷ Там же. С. 53.

¹⁰⁸ Голубцова. Община, племя, народность... С. 52.

¹⁰⁹ Мнения специалистов по поводу правомерности выделения этого признака общины разделились. К числу основных критериев общинной организации его отнесла Штаерман (Древний Рим... С. 19); впоследствии ее в этом поддержала Голубцова (Община, племя, на-

помощь, совместное пользование общинными угодьями, контроль коллектива над распределением и использованием его земель, далеко не всегда находят отражение в источниках, часто оказываются трудноуловимыми и, следовательно, надеяться на получение более или менее полной картины общинной жизни, особенно в провинциях, в большинстве случаев не приходится¹¹⁰. Более того, один из основных, по определению Штаерман¹¹¹ и Голубцовой¹¹², признаков общины, а именно ее верховное право собственности на занимаемую территорию, думается, вообще не мог быть характерен для провинциальных земель, так как, по крайней мере формально, с юридической точки зрения они вообще не находились в собственности местного населения. Из уже упоминавшегося сообщения Гая (II. 7) совершенно определенно следует, что территория провинций рассматривалась как *dominium* римского государства, а для провинциалов степень полноты прав на землю ограничивалась возможностью владения и usufrukta. Кстати, и Штаерман в одной из своих работ отмечает: «Она (община. – А.М.), независимо от того, был ли верховным собственником земли император, город или частное лицо, могла выступать как *коллективный посессор, фруктуарий или арендатор*» (курсив мой. – А.М.)¹¹³. На наш взгляд, именно таким образом и следует определять характер владельческих прав сельских поселений, находившихся на территории римских провинций.

С учетом сказанного нам представляется, что, возможно, обращаясь к истории фракийских земель в первых веках нашей эры, корректнее говорить не о прочных позициях *сельской общины*, а о достаточно широком распространении в деревенской местности *общинных отношений*. Это позволит исследовать общинные отношения как фактор исторического развития восточнобалканских провинций Рима независимо от того, в какой мере сведения о них соответствуют теоретическим представлениям о сельской общине¹¹⁴.

родность... С. 53). Между тем В.И. Кузищин в рецензии на данную монографию Штаерман отметил, что «автор слишком резко подчеркивает трудовой характер собственности, преуменьшает степень развития частной собственности на землю» (см. ВДИ. 1980. № 2. С. 165), а по мнению Корсунского, положение о «трудовом характере собственности» в интерпретации Штаерман носит «надуманный характер» (Проблемы аграрного строя... С. 53).

¹¹⁰ Даже в греко-римском Египте, где «условия земледельческого производства... вероятно, в большей степени, чем в каком-либо другом районе Средиземноморья этого времени были благоприятны для воспроизводства общинных отношений», и в эллинистическое время, и во II–III вв., и в IV в. н.э. источники позволяют обнаружить лишь *отдельные* признаки общинной организации (см. Павловская. Ук. соч. С. 44–59).

¹¹¹ Штаерман. Древний Рим... С. 18; *она же*. Еще раз к вопросу... С. 92.

¹¹² Голубцова. Община, племя, народность... С. 52.

¹¹³ Штаерман. Еще раз к вопросу... С. 95.

¹¹⁴ Не исключено, что такой подход может оказаться перспективным при изучении общинных отношений и в других регионах Римской империи. По крайней мере, представляется примечательным, что некоторые исследователи, не просто постулирующие наличие сельской общины в той или иной части Римской империи, а изучающие историю провинциальных поселений сельского типа по материалам источников, либо избегают термина «сельская община», либо предпочитают говорить о наличии в селах только некоторых ее признаков. Так, Ю.Б. Циркин в работе, посвященной викам, пагам и кастеллам римской Испании называет их не сельскими общинами, а «сельскими объединениями» или «организациями общинного типа» (см. Циркин Ю.Б. Сельские объединения в римской Испании // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 154–173; курсив мой. – А.М.), а А.И. Павловская на основании анализа данных папирусов о жизни египетских ком в первой половине IV в. приходит к заключению о наличии в них «некоторых элементов общинной организации» (Ук. соч. С. 59; курсив мой. – А.М.).

COMMUNAL RELATIONS IN THE VILLAGES OF THRACE AND LOWER MOESIA IN THE FIRST CENTURIES AD

A.P. Martemyanov

The definition of rural community and applicability of the term to lands in Roman provinces is disputable. The author tries to analyse the data concerning communal relations in Lower Moesia and Thrace, East Balkan Roman provinces where, as it is widely assumed, communal traditions inherited from the earlier times are thought to have been especially strong in the first centuries AD. It appears that the relevant sources allow to admit the existence of self-government in the villages of Lower Moesia. The same could be true for Thrace, but there are no clear indications of it in the sources. Among the manifestations of peasants' collectivism attested in the inscriptions one can see worship of those gods whom the peasants considered their personal patrons, as well as other common dedications to the gods and emperors. It is not improbable that they bore mutual responsibility for the tasks imposed on them. But the greatest part of the features characteristic of a rural community is not to be seen in the sources, which do not allow us to build a coherent image of communal life in those provinces. The author therefore considers the term «communal relations» to be more correct than «rural community» for the time and place in question. The term «communal relations» would enable scholars to study the role of such relations in the development of East Balkan Roman provinces, without having to solve the problem of how the relevant data fit in with the usual definition of rural community.